

УДК 81.344

UDC 81.344

К ВОПРОСУ О НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ**TOWARDS A NEUTRALIZATION OF THE PHONOSEMANTIC OPPOSITIONS**

Скрипник Яна Николаевна
к.филол.н., доцент

Skipnik Yana Nikolaevna
Cand.Philol.Sci., associate professor

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

В статье рассматриваются особенности нейтрализации фоносемантических языковых оппозиций, выступающей важнейшим системообразующим фактором. Обсуждается вопрос о необходимости ревизии отдельных положений теории нейтрализации Н.С. Трубецкого в соответствии с современным уровнем развития лингвистического и гуманитарного знания

The article deals with the features of the language system's neutralization of the phonosemantic oppositions, which is an important factor for the forming system. The author discusses the question about the necessity of the revision of separate principles the Trubetsky's neutralization theory according to the modern level of development of linguistic and humanitarian knowledge

Ключевые слова: ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА, ОППОЗИЦИЯ, ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ, НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Keywords: SOUND-REPRESENTING SYSTEM, OPPOSITION, PHONOSEMANTIC OPPOSITION, NEUTRALIZATION

Составляющие единицы и элементы каждого яруса языковой системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако отношения между ними, формирующие структуру языковой системы, определяются по преимуществу их тождествами/нетождествами или оппозициями, под которыми понимается «лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания» [2: 348]. Поскольку доминирующими отношениями в любой системе, и не только в языковой, выступают отношения противопоставленности, возникает необходимость их пристального изучения. В этом случае наиболее актуальны одномерные оппозиции, членам которых присуще исключительное общее основание. Наше внимание сосредоточивается на рассмотрении ситуаций, когда парадигматические отношения нивелируются, а противопоставленность исчезает. Возникает так называемая «нейтрализация оппозиций», под которой понимается неразличение элементов, обычно вступающих в противопоставление.

Вопрос о нейтрализации оппозиций был заложен в учении о фонологической системе языка и достаточно подробно разработан в концепциях разных фонологических школ. Собственно теорию нейтрализаций разработал Н. С. Трубецкой как часть универсального учения о системе оппозиций. Согласно его трактовке, нейтрализация понимается как утрата определенным признаком в данной позиции своих различительных функций, хотя в других позициях он является различительным. При таком толковании нейтрализации всегда оказывается, что нейтрализовываться могут единицы, материально сходные, имеющие ряд тождественных признаков. Иной взгляд на проблему нейтрализации высказан в работах Московской фонологической школы. Здесь понятие нейтрализации целиком базируется на исследовании позиционных чередований. В разных позициях определенная языковая единица может претерпевать изменения так, что она целиком меняет свою характерность. Меняются не отдельные признаки, а вся единица целиком. Такая мена не знает исключений. Нейтрализация в понимании МФШ - это скрещение рядов чередующихся единиц в определенной позиции, их совпадение в одной определенной нейтрализации.

В современной фонологии, как правило, под фонологической нейтрализацией понимают снятие противопоставления, неразличение двух фонем в определенной фонологической позиции. «Суть фонологической нейтрализации может быть выражена формулой: $a : b \setminus Pr \rightarrow c \setminus Pn$, означающей, что две фонемы (оппозиция $a : b$), различающиеся в позиции релевантности (Pr), не различаются в позиции нейтрализации (Pn), где представителем архифонемы выступает нечто третье (c)» [4: 328].

Со второй половины XX века теория языковых нейтрализаций начинает разрабатываться применительно к лексико-семантическому и грамматическому ярусам. Однако у такого направления научной мысли есть противники. Так, по мнению А.А. Реформатского, перенести теорию фонологических нейтрализаций на грамматику не представляется возможным,

грамматический материал «подгоняется под схему, ему не соответствующую»: «Бинарный дихотомический характер фонологии прослеживается довольно легко <...>. Но попытки построить дихотомию в морфологии имеют мало шансов на успех» [7: 89].

Между тем обнаружить основания для переноса теории нейтрализаций на другие ярусы языковой системы, по нашему мнению, вполне возможно. Однако следует учитывать, что поскольку единицы лексико-семантического и грамматического ярусов являются двусторонними, то необходимо различать нейтрализации единиц плана выражения (например, падежный синкретизм) и нейтрализацию единиц плана содержания (совпадение значения различных форм в определенном контексте, например, *пойдем в кино?* = *пошли в кино?*). Сказанное в полной мере относится и к звукоизобразительной системе языка, материальные элементы которой совмещают в себе два взаимозависимых, но разных плана – семантический и формальный, а также презентируют одновременно три различных единицы – звук, фонему и фонемотип [см. об этом подробнее 9; 10].

В то время как фонологическая теория предполагает строго ограниченный набор вероятных нейтрализаций, обусловленных системой языка на определенном этапе его развития, в фоносемантике наблюдается достаточно размытая ситуация. Подобное, очевидно, обусловлено не только двусторонней сущностью основных фоносемантических единиц, но и тем, что звукоизобразительное значение весьма специфично, может быть охарактеризовано путем перечисления оценочных признаков, получает синестетическое развитие, обусловленное наличием у звукосимволических элементов ингерентных способностей к изображению признаков, предметов и состояний окружающей действительности.

Между тем В.В. Левицкий, выделяя фоносемантические противопоставления, называемые им экспрессивными, предлагает отграничивать их от классических фонологических оппозиций, именуемых им коммуника-

тивными, и утверждает следующее: «Звуковой символизм имеет не абсолютный, а относительный характер (определенные звуки имеют символическое значение лишь постольку, поскольку им противопоставлены какие-либо другие звуки» [6: 52]. Это значит, что звукоизобразительное значение обусловлено парадигматически, и если противопоставление между фонемотипами снимается, нивелируется, то звукоизобразительное значение исчезает. Однако с таким выводом трудно согласиться.

По мнению В.В. Левицкого, накопленный опыт свидетельствует, что «носителями символических значений могут быть три типа фонетических единиц: звукотип (фонема), фонетический признак и единица, которую можно условно обозначить как “звукосимволический комплекс”» [6: 27]. Под последним ученый понимает некую группу фонем, противопоставленную другому звукосимволическому комплексу и образующую один из противочленов экспрессивной оппозиции, коррелирующей с оппозицией семантических признаков: «Семантическая оппозиция [большой] – [маленький] символизируется с помощью оппозиции звуковых комплексов [i, e]: [o, a] или [p, k]: [b, r, d]» [6: 28]. Однако говорить о специфическом характере такой фонетической единицы не приходится: звукосимволический комплекс есть не что иное, как одновременно синтагматическое и парадигматическое явление, крайне интересное, но едва ли специфически звукоизобразительное. В то же время такие фоносемантические единицы, как фонемотип и морфемотип, которые собственно и несут звукосимволическое значение, причем не только на уровне оценочных признаков, но и с учетом его синестемического развития, В.В. Левицким вообще не рассматриваются. По нашему мнению, в этой связи следует разграничивать артикуляционно-символическое и звукосимволическое значения, содержательный объем которых не совпадает.

Безусловно, если принимать во внимание звукосимволическое соответствие на уровне фонетических признаков, определяемое посредством

полюсов семантических шкал (субъективный символизм), то сказанное В.В. Левицким актуально. Не вызывает сомнений и то, что гласные символизируют свое значение через оппозиции в вокалическом треугольнике, а артикуляционно-символическое значение согласных проявляется через противопоставление по месту и способу образования. Сказанное абсолютно справедливо и применительно к звукосимволическим комплексам. Действительно, в ситуации автономного анализа ассоциативной связи фонетических признаков звукобукв или собственно звукотипов языка и присущего им символического значения говорить о возможности их нейтрализации не приходится. Снятие противопоставления становится возможным только в определенном языковом окружении, в частности, в процессе комбинации фонемотипов в морфемотип (формальная синтагматика) и соединения их звукосимволических значений (семантическая синтагматика). Такая нейтрализация происходит только в границах звукового облика слова, ведь определенные звуки или их сочетания в отрыве от цельного слова сами по себе, очевидно, не могут обладать звукосимволическим значением.

Традиционно разграничивают два типа нейтрализаций [11: 243-258]. Первые возникают вследствие определенного окружения и обусловлены контекстом, объем которого различается в зависимости от того, на каком ярусе языковой системы обнаруживается нейтрализация. Контекстуально обусловленные нейтрализации позволяют определить структурные отношения между единицами и элементами, оппозиция которых нейтрализуется, с элементами и единицами, создающими контекст. Вторую разновидность представляют структурные нейтрализации, возникающие вне зависимости от языкового окружения, а обусловленные определенным положением элементов и единиц в структуре яруса. Нейтрализации, обусловленные неконтекстными факторами, определяют внутреннюю структуру оппозиций; как правило, такие нейтрализации свойственны оппозициям привативным, один член которых является маркированным, то есть обла-

дает специфическим признаком, в то время как второй, немаркированный, в пользу которого и происходит нейтрализация, специфическим признаком не обладает.

Очевидно, что оба типа нейтрализаций могут быть обнаружены в звукоизобразительной системе языка. Так, контекстные нейтрализации наблюдаются в процессе включения того или иного фонемотипа в состав морфемотипа в качестве финали. Если инициалью разных морфемотипов выступает один фонемотип, а финалью – разные, то происходит полная или частичная нейтрализация финали. Например, морфемотип «спирант-гуттуральный» имеет следующие звукоизобразительные значения – СКРЕСТИ \ РЕЗАТЬ \ РУБИТЬ \ СКОЛЬЗИТЬ \ БИТЬ \ СТЕГАТЬ \ ПРЫГАТЬ \ ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, а морфемотип «спирант - дентальный» - РЕЗАТЬ \ БИТЬ \ КОЛОТЬ \ СЖИМАТЬ \ СТАВИТЬ \ ТВЕРДЫЙ \ ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ. Звукоизобразительное значение фонемотипа «гуттуральный» следующее: ГЛОТАТЬ / ГОРТАНЬ / ГОРЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и в том числе пейоративное значение, связанное с негативным аспектом горловой деятельности – рвотным рефлексом. Звукоизобразительное значение фонемотипа «дентальный» - соответственно ТВЕРДОСТЬ \ ПРЕГРАДА \ ПРОТЫКАТЬ \ НАПРЯЖЕНИЕ \ ДАВЛЕНИЕ. Очевидно, что звуко-символическое значение финали для морфемотипа в целом весьма не существенно. В этой связи крайне интересно было бы оценить степень влияния артикуляционно-символического значения гласных, которое ограничено представлено в общей семантике морфемотипа, но решающей роли не играет. Исследование звуко-символического потенциала гласных и особенностей его реализации в звуковом облике слова может быть перспективно.

Что касается нейтрализаций, обусловленных неконтекстными факторами, то здесь можно говорить, в первую очередь, о сигнификативной нейтрализации при условии сохранения формального противопоставления.

Так, разные фонетические признаки обнаруживают соответствие на одном из полюсов семантической шкалы. План звуко-символического содержания таких элементов совпадает, а форма различается: например, понятие «маленький» символизируется такими фонетическими признаками, как передний ряд, верхний подъем, глухость, сонорность, палатализованность; понятие «мокрый» - такими признаками, как латеральность, сонорность, переднеязычность. Во-вторых, может иметь место и формальная нейтрализация (нулевая оппозиция) при наличии семантического противопоставления. В этом положении находятся фонетические признаки, план выражения которых тождественен, а звуко-символические соответствия не совпадают: например, такой фонетический признак, как «верхний подъем», артикуляционно-символически связан с некоррелируемыми понятиями «маленький» и «быстрый».

Наши умозаключения относительно возможности нейтрализации фоносемантических оппозиций и специфичности снятия такого противопоставления вполне согласуются с выводами, полученными И.Г. Рузиным [8] в процессе исследования ономастов, обозначающих в языке голоса птиц. Ученый справедливо полагает, что большое количество фонем в составе ономаста обладает более чем одной звукоподражательной функцией. «Являясь полифункциональными единицами, фонемы вступают в различные фоносемантические оппозиции и могут презентировать разные фонемотипы. Например, в литовском языке /ae/ может выступать как презентант фонемотипа "высокий": *cėiėu*, *iemseti*, *Sekti* (о воробье, жаворонке) (ср. *fizti*, *cimti*) или "компактный": *kerkti*, *kvegeti* (о вороне, курице, утке) (ср. *karkti*, *kvagseti*)» [8: 20].

Действительно, можно говорить не только о полифункциональности фонем в составе ономаста, но и о звукоизобразительной полисемантическойности основных единиц – фонемотипа и морфемотипа – в составе звукового облика любого слова. Возражение вызывает определение фонемотипа

и выделение такой его разновидности, как «компактный». Если придерживаться понимания фонемотипа в трактовке его автора С.В. Воронина [3] как обобщенного типа фонем, объединенных артикуляционной или акустической общностью, как единицы второй, более высокой степени абстракции по сравнению с фонемой, то, очевидно, нельзя выделить общность, названную «компактной» ни по акустическим, ни по артикуляционным признакам. Определение фонемотипа, данное И.Г. Рузиным, отличается от того, о чем говорит С.В. Воронин: «Общий для группы фонем различительный признак, используемый для передачи того или иного параметра природных звучаний и характеризуемый элементом значения, определяется как фонемотип» [8: 19]. Даже если принять к сведению, что речь идет о разных вещах, называемых одинаково, предположить, какой параметр природного звучания может передаваться посредством различительного признака «компактность», весьма сложно. Именно поэтому представляется нелогичным выделение И.Г. Рузиным фонемотипов по артикуляционным основаниям (фонемотип «взрывной» [8: 19]) при рассмотрении ономатопопов, поскольку «в области звукоподражательной лексики минимальной единицей плана выражения, регулярно воспроизводимой согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимой с единицей плана содержания, является *акустический* (курсив наш. – Я.С.) фонемотип» [3: 201].

На примере анализа английских и литовских ономатопопов, И.Г. Рузин убедительно доказывает, что оппозиция, значимая в одном случае, в другом оказывается нейтрализованной. Сила оппозиции зависит от степени индивидуальности фонемотипа, размера его паронимического поля. Если у определенного фонетипа имеются частично совпадающие с ним по звучанию фоносемантические единицы, которые не могут быть истолкованы ни как варианты, ни как синонимы и которые не сводятся к омонимии, то скорее всего он будет подвергаться нейтрализации, и наоборот. Сказанное

вполне согласуется с определением силы фонологической нейтрализации: «Сила нейтрализации (F_n) прямо пропорциональна числу ее позиций (n) и обратно пропорциональна числу позиций дифференциации (d), что можно выразить формулой: $F_n = qn \setminus d$. Коэффициент q (число нейтрализующихся коррелятивных пар) отражает связь данной нейтрализуемой оппозиции с соответствующей корреляцией. Чем больше q , тем сильнее данная нейтрализация» [4: 328]. Однако следует иметь в виду, что в отличие от нейтрализации фонологических оппозиций нейтрализации фоносемантических гораздо более расплывчата и индивидуальна.

Итак, нейтрализации - важнейший системообразующий фактор, связывающий отдельные языковые элементы, их оппозиции и корреляции в целостную систему. Любые нейтрализации фактически выполняют две основные функции, кульминативную и делимитативную, выделяя означаемое знаков как некоторое целое и отграничивая их друг от друга. А динамика фонологических, фоносемантических, морфологических и других оппозиций опирается на механизм усиления и ослабления нейтрализаций.

Очевидно, что между оппозициями разных ярусов языковой системы нет тождества (но имеют место мысленно устанавливаемые корреляции): фонологические оппозиции отличаются от грамматических [1] или семантических [5]. Следовательно, не может быть и универсальной точки зрения на нейтрализацию языковых оппозиций, но то, что нейтрализации существуют и требуют пристального рассмотрения, совершенно ясно. Важным является и тот факт, что выработанные Н.С. Трубецким положения теории нейтрализаций требуют поправок и ревизии в соответствии с современным уровнем развития лингвистического и вообще гуманитарного знания.

Именно поэтому в современных научных исследованиях положения концепции нейтрализаций, заложенной в фонологии, даже выходят в более широкую научную сферу, затрагивая не только область языка, но и в целом историю культуры.

Список литературы:

1. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неопозитивного различия). – ВЯ. – 1981. - №6. - С. 17-28.
2. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Оппозиции // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 348.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
4. Журавлев В.К. Нейтрализация // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С.328-329.
5. Ильченко А.В. Семантические оппозиции как способ реализации принципа контраста в тексте библии. – Научная мысль Кавказа. – 2008. - №3. – С. 104-108.
6. Левицкий В.В. Звуковой символизм. Основные итоги. – Черновцы, 1998. – 130 с.
7. Реформатский А.А. О нейтрализации оппозиций // Лингвистика и поэтика. - М., 1987. - С. 87-90.
8. Рузин И.Г. Природные звуки в семантике (Когнитивные стратегии именования). – ВЯ. – 1993. - №6. – С. 17-27.
9. Скрипник Я.Н. Морфемотип как психическая реальность. - Вестник СГПИ. – Вып.5. – 2005. – С.183-191.
10. Скрипник Я.Н. К вопросу о семантическом соответствии морфемотипов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Сборник научных трудов. Вып. VIII. – Владикавказ, Изд-во СОГУ, 2006. – С.29-32.
11. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. - М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.